

Л. А. ТРАХТЕНБЕРГ

ПОЭТИКА АБСУРДА
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ПАРОДИИ XVII–XVIII ВВ.

В данной работе рассматриваются некоторые произведения русской рукописной литературы XVII–XVIII вв. — «Лечебник на иноземцев», «Духовное завещание Елистрата Шибаева», «Роспись о приданом»¹, пародийные «авизии» (или «куранты»), то есть газетные известия. Несмотря на все жанровые и содержательные различия, они во многом сходны между собой. Сходство названных произведений обусловлено, прежде всего, тем, что все они пародийны, однако этим оно не ограничивается. Сходны также и использованные в них художественные приемы, которые тем или иным образом создают эффект абсурда. Под абсурдными понимаются такие высказывания, которые, описывая невозможные положения дел, содержат противоречие, выраженное эксплицитно или имплицитно². Вот лишь некоторые примеры абсурдных высказываний из названных текстов: *водяной струи, сметив по цифирю на выкладку, ухватить без воды; выпотев, велеть себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом; взять <...> густово медвежья рыку 16 золотников, толстого орловаго летанья 4 аршина* (в качестве «ингредиентов для лекарств»; все 3 примера — из «Лечебника на иноземцев» [Адрианова-Перетц 1977: 95]); *липовые два котла, да и те сгорели дотла* (из «Росписи о приданом», в качестве «имущества» [Там же: 99]); *рыбаки много наловили олуцов и солят в патоке* («новость» из пародийных «авизий» [Адрианова-Перетц 1948: 51]). Характерной особенностью описываемых текстов является то, что абсурдные ситуации создаются с помощью

---

¹ Этот текст известен не только в рукописях, но и в лубочных изданиях [см. Ровинский 1881: 367–374].

² См.: «В логике под абсурдом обычно понимается внутренне противоречивое выражение. В таком выражении что-то утверждается и отрицается одновременно...» [Ивин 2003: 112; выделено А. А. Ивиным — Л. Т.].

очень кратких характеристик: для их создания авторам может быть достаточно небольшого фрагмента текста, ограниченного рамками именной группы (*дубовым четвертным платом*), количественно-именного сочетания (*толстого орловаго летанья 4 аршина*), предложения (*Рыбаки много наловили огурцов и солят в патоке, пересыпают известью* [Адрианова-Перетц 1948: 51]). Такие сочетания объединяются в последовательности. Например, в «Лечебнике на иноземцев» предлагается такой абсурдный «рецепт»:

Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому, покрывшись от солнечнаго жаркаго луча неводными мережными крылами в однорядь. А выпотев, велеть себя вытереть самым сухим дубовым четвертным платом, покамест от того плата все тело будет красно и от сердца болезнь и от утробы теснота отидет и будет здрав [Адрианова-Перетц 1977: 95].

В целом подобного рода структура является характерной особенностью поэтики всех рассматриваемых произведений. Однако типы приемов, используемых для создания эффекта абсурда, в них различны: во всяком случае, в одних текстах преобладают одни приемы, в других — другие. Поэтому каждый текст необходимо рассмотреть в отдельности.

Возможно, среди всех названных произведений наиболее ярким примером «поэтики абсурда» может служить «Лечебник на иноземцев». Форма его, естественно, напоминает форму пародируемого прототипа — подлинного лечебника. Именно оттуда и односоставная инфинитивная конструкция со значением долженствования, и количественно-именные сочетания с указанием веса, т. е. дозы средства, которое следует применить, и названия лекарств в родительном партиципном с согласованными определениями. Вот, например, рецепт из одного лечебника конца XVII века:

Состав водки гунгарской.

Взять травы майранной два фунта, цвету левендоваго $\frac{1}{4}$ ф., розмарину осьмуха, кардамону толченаго без шелухи осьмуха, и налить водкою романейною ведром и настаивать две недели, или меньше, и прегонить чрез кубик и выйдет полведра [Флоринский 1879: 215]³.

³ В лечебниках активно употреблялась и другая конструкция — с императивом. Пример из другого лечебника: *Рутовое масло сице составляется возьми соку листвия рутовы травы полгривенки, масла древяного 5 гривенки*

Однако традиционная форма лечебника наполняется новым содержанием, а для этого она заполняется словами с иными, нежели в лечебнике, семантическими характеристиками. Достаточно вспомнить приведенные примеры: *мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вешняго тону 13 золотников, светлаго тележного скрипу 16 золотников*. Нетрудно заметить, что все они построены по одной схеме: это не просто количественно-именные сочетания — во всех трех случаях имя предмета («лекарства») отглагольное по словообразовательной структуре и пропозитивное по семантике, причем во всех трех этих примерах оно обозначает звук, и везде оно имеет два согласованных препозитивных определения, одно из которых дает характеристику по цвету или размеру (*белого, светлого, мелкого*), а другое так или иначе характеризует субъект действия или по крайней мере место либо время его совершения (соответственно, *тележного, мостового, вешняго*). Следующие далее описания «ингредиентов» для «лекарств» в большинстве своем строятся по той же или сходной модели: *девичья молока 3 капли, густово медвежья рыку 16 золотников, толстого орловаго летанья 4 аршина, крупнаго кошечья ворчанья 6 золотников, курочья высокоаго гласу пол фунта; воловаго рыку 5 золотников, чистаго, самого ненаснаго свиного визгу 16 золотников, самых тучных куричьих титек, иногда пол 3 золотника, вешнаго ветру пол четверика в таможенную меру, от басовой скрипицы голосу 16 золотников, всежливаго жаравелинаго ступанья 19 золотников, денны светлости пол 2 золотника, ноцныя темности 5 золотников; женскаго плясания и сердечнаго прижимания и ладоннаго плескания по 6 золотников, самого тонкаго блохина скоку 17 золотников* [Адрианова-Перетц 1977: 95], *фишинова смеху 4 комка, сухова крещенского морозу 4 золотника* [Там же: 96]. В большинстве приведенных примеров⁴ существительное — пропозитивное либо признаковое имя, имеет два согласованных определения, одно из которых указывает на субъект. По-видимому, во всех этих случаях эффект абсурда создается сходным образом: он обусловлен, прежде всего, тем, что пропозитивное или признаковое имя подставляется на место предметного, поскольку пародируемая

воды речной 3 гривенки, и вари дондеже сок и вода укипит, и потом процеди и сохрани [Флоринский 1879: 143].

⁴Есть исключения — прежде всего, *куричьих титек* и *девичья молока*. Впрочем, следует ли рассматривать последний пример как абсурдное сочетание, не вполне ясно, так как «Словарь русского языка XVIII века» со ссылкой на источники этого периода фиксирует словосочетание *девичье молоко* в значении «ликер благовонной <...> девицы употребляют это для притирания лица» [Сл. XVIII 1991: 65].

форма — лечебник — диктует именно такую структуру (которая задается глаголом-сказуемым: *взять* и т. д. — указывается, что *взять*): лекарства — это ведь вещества, а не движения (*летанья, ступанья, скоку*), звуки (*рыку, визгу, голосу*) или признаки (*светлости, темно-сти*). По-видимому, это тип абсурдного высказывания, тот или сходный с тем, что можно продемонстрировать на известном примере Б. Рассела *четырёхсторонность пьёт отсрочку* [Рассел 1999: 183] (*quadruplicity drinks procrastination* [Russell 1967: 158]), где также позиции актантов при глаголе физического действия, требующего предметных имен, замещены именами соответственно признаковым (агенс) и пропозитивным (паиенс). Кроме того, в «Лечебнике на иноземцев» часто наблюдается семантическое рассогласование определения и определяемого слова, когда определение также может относиться только к предметным именам (хотя нередко, видимо, допустимо метафорическое прочтение): *мелкого топу, светлого скрипу, крупного ворчанья, тонкого скоку*. Впрочем, в этом случае разграничить абсурдное словосочетание, оригинальную метафору и метафору стертую иногда бывает трудно. Так, значение слова *высокий* в сочетании *высокого гласу* следует признать метафорическим, но это метафора стертая, и значение данного слова в приведенном контексте мы, по-видимому, не воспринимаем как переносное. Что же касается, например, такого сочетания, как *вежливаго ступанья*, то его легко интерпретировать не столько в качестве абсурдного, сколько в качестве метафорического. Такой интерпретации способствует то, что многие из употребляемых в «Лечебнике на иноземцев» отглагольных существительных и прилагательных относятся к тем семантическим группам, которые, как показывает Н. Д. Арутюнова, особенно предрасположены к метафоризации: прилагательные *белый, светлый, густой, толстый, крупный, высокий* — к группе «конкретных (физических) предикатов», а отглагольные существительные *стук, топ, скрип, рык, летанье, плясание, (ладонное) плескание, (сердечное) прижимание* восходят к группе «дескриптивных глаголов, в особенности тех из них, которые включают в свое значение указание на способ осуществления действия и имеют одушевленный субъект» [Арутюнова 1999: 362].

Показательно также и то, что, несмотря на всю очевидную абсурдность, текст «Лечебника на иноземцев» не так далеко отстоит от своего пародируемого прототипа — подлинного, так сказать, «серьезного» лечебника, как можно было бы думать. Не случайно Ф. И. Буслаев, как известно, считал лечебники памятниками народной поэзии, основывая свои выводы на отразившихся в них поверьях, на присутствующих в текстах лечебников заговорах [Буслаев 1861: 31 сл.]. Поэтому не удивительно, что и «Лечебник на иноземцев» заканчивается

заговором (см. интерпретацию в [Киселева 2002]): *А буде болят ноги, аять ис под саней полоз, варить в соломяном сусле трои сутки и тем немецкие ноги парить и приговаривать слова: как таскались санья полозье, так же бы таскались немецкия ноги* [Адрианова-Перетц 1977: 96]. Однако и помимо заговоров в лечебниках немало образных описаний, сравнений, метафор. Вот несколько примеров:

О окуне.

...Окунь есть рыба не добре велика, тонка, горда и спесива; егда увидит шуку, тогда хвостом ся к ней оборотит и надметя, и крыле подымет и ходит стадом для своего недруга [Флоринский 1879: 66].

О сельди.

Сельдь рыба морская, а живет только водою, а без воды не может жив быти; очи их что свечи ночью светят... [Там же: 67].

Более того: сами средства, которые предлагается применять в качестве лекарств в пародийном «лечебнике», иногда находят себе параллели в лечебнике подлинном. Так, в одном из «рецептов» там упоминается птичий (*кокушкин*) голос (разумеется, не в качестве ингредиента для лекарства: «рецепт» носит магический характер):

Кокушкин голос аще кто впервые весною услышит, и в тот бы час себе правую ногу очертил, и ту бы землю из-под ноги выкопал, и тою бы землю в дому и в хоромех посыпал, то того году отнюдь блохи небудут [Там же: 62].

Разумеется, в подлинном лечебнике нет *журавлиного ступанья* и *орлового летанья*, однако среди животных и птиц, чье мясо, кожу и пр. можно использовать для лечения, встречается и журавль (*жеруль*) [Там же: 57–58], и медведь [Там же: 56], и орел (*орлов камень*) [Буслаев 1861: 34], а также *око*, *кость головная*, крыло орла и т. д. [Там же: 38] — в качестве магических средств).

Таким образом, традиция лечебников предоставила в распоряжение неизвестного автора «Лечебника на иноземцев» очень большую долю того материала, который был необходим ему для создания пародийного текста: это не только грамматические формы, но отчасти и «предметный мир» произведения. Ему оставалось сделать, прежде всего, один важный шаг — ввести в текст «приемы абсурда», в частности такой ключевой прием, как замещение названий лекарств именами действий и признаков, о котором уже много говорилось выше. Сделав этот шаг, он создал на основе имеющего несомненную практическую ценность жанра художественное произведение, как кажется, до сих пор способное восприниматься эстетически.

Во многом сходно с «Лечебником», но обладает несомненным своеобразием «Духовное завещание Елистрата Шибаяева». В нем «завещаются» в качестве «имущества» такие объекты: *Благодетельнице моей Парасковье Гавриловне — лутчее мое сокровище, первые три богоявленские мороза да шесть возов собственной моей казны рождественского самого белого сыпучева снегу* [Кузьмина 1955: 154]; *Племяннику моему Александре Николину — на пару зеленую егерского платья 7 аршин самого лутчаго соколя гляденья; Племяннице моей Анне Федоровне — на балахон и на юпку — 18 аршин конского ржаня; Невестушке моей любезной — самой лутчей и сладкой конфет до чего я и сам с молодых лет охоту имел, — три пуда с четверть медвежьяго плясания; Дядьке моему Андреяну — 40 золотников самой любезной и тихой моей думы; Служителю моему и дворецкому Степану Яковлеву — на однорядочной кафтан 8 аршин веселого смеху; Камординеру моему Парамону на бошмаки 9 ювтей пьяных моих сонных мечтаней; Поверенному моему Саве Федорову за ево неленостные труды 4 подлинника да 6 спорных застенков* [Там же: 155]; кроме того, упоминаются *7 аршин приказных моих ябед; кашлянье, сморканье, оханье, стонанье; 44 фунта простоты и бездельной моей волокиты* [Там же]. Можно видеть, что с принципом, характерным для «Лечебника», — замещением предметных имен, требуемых пародируемым жанром [см. образцы в АЮБ I: 561–568], именами действий (*соколя гляденья, медвежьяго плясания, самой любезной и тихой моей думы, пьяных моих сонных мечтаней, приказных моих ябед, бездельной моей волокиты*; следует отметить, что некоторые из этих действий относятся к разряду ментальных или социальных — для «Лечебника» это нехарактерно) — сочетаются другие: в роли «имущества» героя может выступать момент времени (*первые три богоявленские мороза*, где слово *мороз* метонимически обозначает время) или даже предмет, но природный и ему не принадлежащий — *снег*. В целом можно отметить тяготение «Духовного завещания Елистрата Шибаяева» к образам неживой природы: *Гроб мой сделать из самого мелкого и тихова дождя, шесть возов собственной моей казны рождественского самого белого сыпучева снегу* [Кузьмина 1955: 154], *набрать по три зори 10 золотников небесного цвету и три винтеля взяв с небесных звезд сияния, 6 золотников громового стуку* [Там же: 155]; *Взяв одно чистое облако и: ведреного и чистого дня, сделать барабанные палки и по тому облаку пробить дробь* [Там же: 156]. Среди используемых в «Завещании» приемов следует отметить и перифразу А за оное погребение дать им за труды загородной мой собственный дом, выехав из Москвы, за надолобами по Петербургской дороге: *два столба врыты, а третьим покрыты, а доходу с него туша мяса да голова запасу, а на иной год и больше* [Там

же: 154], по-видимому, фольклорного происхождения: сходная перифраза есть в фольклорных песнях [Шейн 1898: 235–240, №876, 878, 879, 881–884, 887 и др.; Новикова 1957: 54], сказках [Афанасьев II: 374, № 315, Бирюков 1953: 154], пословицах [Даль 1994: 145]; встречается она (а также и другие перифразы) еще в «Росписи о приданом» (о ней см. ниже).

В качестве параллели к «Завещанию Елистрата Шибаева» можно рассмотреть один фрагмент из «Шутовской комедии» — пьесы, датируемой первой третью XVIII в. [ПШТМ 1974: 526–528]: там главный герой также составляет завещание, которое следует рассматривать как пародийное. Несмотря на сходство с «Лечебником на иноземцев», «Духовным завещанием Елистрата Шибаева» и «Росписью о приданом» (о ней см. ниже)⁵, этот фрагмент обладает несомненным своеобразием в отношении поэтики. Среди завещаемых предметов в этом тексте упомянуты *изрядной пруд, которой еще зделает возможно у реки Яузы, недалеко от пороховой мельницы, в которой возможно посадит много, много различной рыбы, но ныне в нем насажено много французжской рыбы, по-русски лягушками нареченной* [ПШТМ 1974: 424–425], *изрядной, еще не изобретенной, головной порошок таким людям, у которых в голову мысль заходит* [Там же: 426], *железный сундук, в котором скрытое сокровище быти может, которой почитают заворожен быти, потому что никто не может замочного язычка сыскат, иногда же и всего сундука не видит* [Там же: 427]: здесь выражена модальность возможности, хотя условия пародируемой формы, очевидно, требуют модальности действительности.

Иную синтаксическую структуру и иные семантические отношения обнаруживаем еще в одном тексте примерно того же времени — в «Росписи о приданом». Вот пример из него:

*Липовые два котла, да и те згорели до тла.
Сосновой кубшин да везовое блюдо в шесть аршин.
Дюжина тарелок бумажных да две солонки фантажных.
Парусинная кострюлька да табашная люлька.
Дехтярной шандал да помойной жбан.
Щаной деревянной горшок да с табаком свиной рожьок.
Сито с обечайкой да веник с шайкой.*

[Адрианова-Перетц 1977: 99]

В отличие от «Лечебника на иноземцев», количественно-именных сочетаний в «Росписи о приданом» мало. Текст состоит преимущественно

⁵ Сходство пародийного завещания в «Шутовской комедии» и «Духовного завещания Елистрата Шибаева» отмечено уже В. Д. Кузьминой [1955: 149].

щественно из атрибутивных словосочетаний, образованных именами существительными с определениями, согласованными (*парусинная кострюлька, табашная люлька*) или несогласованными (*везовое блюдо в шесть аршин, с табаком свиной рожок*). (Такая структура не случайна: она находит себе соответствие в формах подлинных росписей о приданом [примеры в АЮБ III: 266–267, 269–270, 290–297; Гарелин 1853: 185–188]⁶.) В «Росписи о приданом» иная семантическая стратегия, нежели в «Лечебнике». На месте предметов, которые, собственно, и должны перечисляться в росписи о приданом, оказываются именно предметы, и даже именно те предметы, которые обычно назывались в такого рода документах: посуда, одежда, обувь, украшения, «недвижимое имение» [Адрианова-Перетц 1977: 101] и т. д. Противоречие создается иным способом: или вместо предметов нужных и ценных упоминаются ненужные, испорченные (*Балахон браной из материи поганой, весь изодраной* [Там же: 100], *поларшина гнилой холстины* [Там же: 101]), безобразные (*помойной жбан*), вредные (*Ароматник с клопами да табакерка з блохами, прыщи да коросты да чирьи толсты, Шолуди сыпучи болезни подучей, лихоратки трясу-чи. Француские болячки безпамятной горячки, да самой цыганской работы лет на дватцать чахоты* [Адрианова-Перетц 1977: 101] — здесь, впрочем, не только такие предметы, как *шолуди* и *болячки*, но и состояния — *лихорадки*, и действия — *работа*; здесь же пример образования превосходной степени от отыменного относительного прилагательного с очевидной внутренней формой — *самой цыганской*, видимо, с метафорическим переосмыслением), или же, что происходит особенно часто, упоминаются предметы, сделанные из нехарактерного для них материала: *парусинная кострюлька, шапочка ежова, на ноги столярные чулки и шукатурные башмаки, липовые штаны, изголовье липовое, а перье в нем луковое, козженая бандора, холстинной гудок да для танцев две пары мозжевеловых порток* и т. п. (в основном или деревянные, или ежовые). Много параллелей к «Росписи о приданом» находится в фольклорных небылицах, что, по-видимому, свидетельствует о генетической связи (о чем неоднократно говорилось в литературе вопроса). Так, например, в «Росписи» есть строка *Деревни меж Кашина и Ростова, позади Кузмы Толстова* — аналогичная рифма встречается в небылице из сборника Афанасьева [III: 140, № 412], в сказке «Фома и Ерема» [Новиков 1961: 300, № 103; см. тж. Шейн 1898: 266, № 950], а также еще в одном рукописном тексте — в «Списке глухого пашпорта» [Забелин 1892: 82–83]; там же *Оное приданое все на лицо, как свиное выеденое ицо* — в «Байке про стари-

⁶ Существовала и другая форма — с указанием цены каждого предмета.

ну стародавнюю» из сборника Афанасьева [III: 155, № 428] есть текст: *Уж как кутюшка бычка родила, Поросенок яичко снес!* И в песне «Агафонушка» из Сборника Кирши Данилова [1977: 142] находим: *Под шес(т)ком-та карова еицо снесла* [см. тж. в других фольклорных текстах: Шейн 1898: 296, № 1011; 299, № 1018]. Однако параллели к «Росписи о приданом» можно найти не только в небылицах, но и в других фольклорных жанрах. Так, в «Росписи» (правда, в другом тексте, существенно отличающемся от проанализированного) упоминается *шуба сомовья* [Адрианова-Перетц 1977: 98]. А в песне «Хороша наша деревня...», где разбой описывается с помощью развернутой метафоры рыбной ловли, есть такое место:

*Заловили сорок щук,
Из которых шубы шьют.*

[Новикова 1957: 65]

Сходство между этим местом и «Росписью о приданом» интересно тем, что если в «Росписи» *шуба сомовья* — очевидный пример абсурда, то в песне предполагается совершенно иная интерпретация — метафорическая.

Наконец, можно рассмотреть еще один текст, который очевидным образом отличается от охарактеризованных ранее, не по мере абсурдности, но по формам выражения абсурда — пародийные «авизии». Вот начало текста:

Авизии ис Копенгагена.

Копенгагенская кругла башня на сих днях поидет замуж, и будут на банкете из Ганбурха 36 ч. печей в немецких епанчах, да в церемонии маршалом ис Парижа трунфалныя ворота с вынпалом, 12 пажей картульных пушек, 40 быков трубачей, 12 бастионов с щитами, один похитовщик, шесть сажень каменьев.

Из Неаполя.

Ратуша ходит без галстука в немецком кафтане и без штанов, а магистрат сидит на печи, чрез реку обувает сапоги.

Из Менкленбургии.

Баул застрелил в лесе леща шириною в два пуда, да изловил на древе рака в три аршина и обучает на бандоре играть.

[Адрианова-Перетц 1948: 50]

Абсурд здесь очевиден, но несомненно и отличие от ранее цитированных текстов: там речь шла о несуществующих предметах (место которых часто занимали, как было показано на примере «лечеб-

ника», действия, состояния и признаки, что и порождало абсурд), здесь же — о невозможных действиях. Различие выражено синтаксически: если в «Лечебнике» доминировали инфинитивные предложения, в «Росписи о приданом» — номинативные, в пародийных «завещаниях» — предложения с выраженным эксплицитно или опущенным глаголом передачи, а также инфинитивные, то здесь — предложения двусоставные с разнообразными предикатами. Разумеется, причины всех этих различий легко объяснимы: различия обусловлены спецификой пародируемых жанров — лечебника, завещания, росписи о приданом, газетных известий; однако ясность причин не избавляет от необходимости указать на сущность этих различий. Отсюда, в свою очередь, и тип противоречия: не между определяемым словом и определением (как в «Лечебнике» и «Росписи»), а между действием и его актантами. Например, неживой предмет выступает как субъект действия, которое, как правило, выполняется человеком, или носителем признака, характерного только для человека (*копенгагенская круглая башина на six днях поидет замуж, и будут на банкете из Ганбурха 36 ч. печей в немецких епанчах и т. д.; баул застрелил леца; ратуша ходит в немецком кафтане и без штанов*). Есть и другие случаи с несколькими семантическими отношениями: *У единаго мещанина в ранжерях 74 кувшина розцвели и стручки поспели* (субъект — неживой предмет, предикат требует субъекта — не просто живого объекта, но определенного класса их, а именно растения) [Там же], *Рыбаки много наловили огурцов и солят в патоке, пересыпают известью* [Там же: 51] (рыбаки ловят то, что находится в каком-либо водоеме, огурцы не находятся там; солят в соленом, патока сладкая и т. д.), *Венскую гавань перевезли сухим путем на фурманах в Рандебурх и чтоб торговые купцы с кораблями там приставали* [Там же] (неподвижный объект как подвижный) и т. п.

Необходимо отметить, что и пародийные «авизии» обнаруживают следы влияния небылиц. Так, в них говорится: *От Визии острова много вылетело осетров и на ратуше гнезда повили и высидели куликов* [Адрианова-Перетц 1948: 51]. Сходный мотив есть в уже упомянутых «Байке про старину стародавнюю» из сборника Афанасьева [III: 156, № 428] и песне «Агафонушка» из Сборника Кирши Данилова [1977: 142]: *В осеку овца гнездо свила и А и свивая свинья на дубу гнездо свила* [см. тж. Шейн 1898: 273–274, № 959, 962, 964; Там же: 301, № 104; Карнаухова 1934: 312, № 150 и т. д.].

Итак, сопоставляя пародийные «авизии» с другими проанализированными ранее абсурдными текстами, можно, по-видимому, сделать вывод о том, что в русской рукописной литературе XVII–XVIII

иска представлен не один, а, по меньшей мере, два рода абсурда. Одна разновидность абсурдных текстов представлена такими произведениями, как «Лечебник на иноземцев», «Духовное завещание Елистрата Шибаева», «Роспись о приданом»; другая — пародийными «авизиями». В первой речь идет об абсурдных, невозможных предметах, во второй — о невозможных действиях. Тексты первого типа статичны, второго — динамичны. В соответствии с этим при примерно одинаковой доле существительных в текстах первого типа велика доля прилагательных, второго — глаголов в изъявительном наклонении (глаголов в инфинитиве — *взять, принимать, потеть, хватить, разделить* и т. д. — много в «Лечебнике на иноземцев»). По-видимому, можно предположить, что такое разграничение соотносится с традиционным противопоставлением повествования и описания [см. Золотова и др. 1998: 29]: проанализированные тексты представляют, разумеется, весьма своеобразную их разновидность (ее своеобразие определяется их абсурдностью), но разграничение типов речи остается для них актуальным. Это, впрочем, неудивительно: будучи пародийными, тексты сохраняют соответствующую характеристику своих прототипов.

В заключение можно поставить вопрос о функции абсурда в художественном тексте. В работе «Новейшая русская поэзия» Р. О. Якобсон [1987: 299] говорит: «В поэтическом языке существует некоторый элементарный прием — прием сближения двух единиц. В области семантики модификацией этого приема являются: параллелизм, сравнение — частный случай параллелизма, метаморфоза, т. е. параллелизм, развернутый во времени, метафора, т. е. параллелизм, эллиптически сведенный к точке». В свете этого абсурд можно интерпретировать как еще один частный случай этого же приема, поскольку он представляет собой не что иное, как парадоксальное сближение и соединение того, что не может быть соединено в действительности.

В качестве реализации этого приема абсурд сближается с метафорой. Как пишет Н. Д. Арутюнова [1999: 382], «метафора — это вызов природе. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии объектов». В основании абсурда также лежит ошибка. Но если метафора, как говорит далее Н. Д. Арутюнова, «умеет извлекать правду из лжи, превращать заведомо ложное высказывание если не в истинное (его трудно верифицировать), то в верное» [Там же], то абсурд правды на месте лжи не создает. Как в метафоре, так и в абсурде актуализируется противоречие, но если в метафоре оно снимается, то в абсурде — нет. И тем не менее значение абсурда в литера-

туре (и в фольклоре) не ограничивается ложью: если бы это было так, абсурдные произведения, наверное, не вызывали бы у читателей интереса. Можно думать, что здесь важно само соединение несоединимого, установление неочевидных связей: этот механизм, в качестве реализаций которого, видимо, выступают и абсурд, и метафора, по-видимому, способен порождать различные семантические эффекты, но как в том, так и в другом случае он определяет восприятие художественного текста.

Как и метафора [см. Арутюнова 1999: 381], абсурд отвергает привычные представления о мире, преобразуя существующее в несуществующее, известное — в неизвестное. Абсурд превращает привычный мир в мир фантастический, давая простор воображению. Благодаря тем приемам, о которых было сказано, на основе известных, привычных, практически полезных форм деловой письменности создаются художественные произведения, эстетическая ценность которых, вероятно, может быть осознана и сегодня.

Абсурдное не тождественно бессмысленному: в художественной литературе (и фольклоре) абсурд может стать источником смысла.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц 1948 — *Адрианова-Перетц В. П.* Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 67. Кафедра русской литературы.
- Адрианова-Перетц 1977 — *Русская демократическая сатира XVII века / Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц.* М., 1977.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Афанасьев II–III — *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; Ответственные редакторы Э. В. Померанцева, К. В. Чистов.* М., 1985. Т. II–III.
- АЮБ I–III — *Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археографической комиссиею под редакциею члена комиссии Н. Калачева.* СПб., 1857–1884. Т. I–III.
- Бирюков 1953 — *Урал в его живом слове / Собрал и составил В. П. Бирюков.* Свердловск, 1953.
- Буслаев 1861 — *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. II. Древнерусская народная литература и искусство.
- Гарелин 1853 — *Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей.* Изданы Я. Гарелиным. М., 1853.

- Даль 1994 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1994.
- Забелин 1892 — *Забелин И. Е.* Заметка о памятниках простонародной литературы // Библиографические записки. 1892. № 2.
- Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ивин 2003 — *Ивин А. А.* Логика: Учебник для гуманитарных факультетов. М., 2003.
- Киселева 2002 — *Киселева М.* Как лечили «иноземных земель людей» на Руси XVII века («Лечебник на иноземцев») // *Slavica Gandensia*. 29–2002 (<http://drevnerus.narod.ru/kiseleva1.htm>).
- Кузьмина 1955 — *Кузьмина В. Д.* Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века (Рапорт пронского воеводы в Сенат. — Ответ новгородцев на указ из Военной коллегии. — Духовное завещание Елистрата Шибеева. — Апшит серому коту за его непостоянство и недоброту) // Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1955. Вып. 17.
- Карнаухова 1934 — Сказки и предания Северного края / Запись, вступительная статья и комментарии И. В. Карнауховой. Предисловие Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934.
- Новиков 1961 — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Составление, вступительная статья и комментарии Н. В. Новикова. М.; Л., 1961.
- Новикова 1957 — Русские народные песни / Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой. М., 1957.
- ИИИТМ 1974 — Пьесы школьных театров Москвы / Издание подготовили: О. А. Державина, А. С. Демин, А. С. Елеонская, В. Д. Кузьмина, В. В. Кусков, под редакцией А. С. Демина. М., 1974.
- Рассел 1999 — *Рассел Б.* Исследование значения и истины / Перевод с англ. Е. Е. Ледникова, А. Л. Никифорова. М., 1999.
- Ровинский 1881 — Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. I. Сказки и забавные листы. СПб., 1881.
- Сборник Кирши Данилова 1977 — Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. ред. Л. А. Дмитриев. М., 1977.
- Сл. XVIII 1991 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. (Грызться — Древний). Л., 1991.
- Флоринский 1879 — Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия В. М. Флоринского. Казань, 1879.
- Шейн 1898 — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях... Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Вып. 1. СПб., 1898. Т. I.
- Якобсон 1987 — *Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. М., 1987.
- Russell 1967 — *Russell B.* An Inquiry into Meaning and Truth. Harmondsworth, 1967.